

Не в полную силу

Пресса, 1983, 18 июля, № 138
ТЕАТРАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

Не раз приходилось и слышать, и читать о некотором «кризисе» в нашей драматургии в театре «производственной темы». Думается, что виновата не тема сама по себе — вряд ли можно предположить, что острота производственных конфликтов в жизни стала меньшей. Дело, очевидно, в банальности сюжетных ходов и поворотов, однотипности характеров, предлагаемых драматургами. Между тем есть еще одна сфера производства, где очень многое предстоит сделать и где дисциплина труда за последние годы снизилась. Все это хорошо знакомо и драматургам, и актерам, и режиссерам. Знакомо, потому что эта сфера — сам театр.

Мы привыкли думать, что театр — прежде всего место, где творят. Храм искусства, куда сходит вдохновение, где являет свою чудодейственную власть художническая интуиция. Все это так. Но сценическое искусство — это еще и плод коллективного труда. Труд хорошо продуманного и организованного во всех звеньях, где значение руководства, как и во всяком коллективном труде, огромное. Театр — соединение творчества и производства, вдохновения и расчета.

То, что темпы работы наших сценических коллективов, особенно столичных, замедлены, очевидно. О качестве театральной «продукции» говорится достаточно много. Стоит поговорить и о количестве — ведь сужение круга выпускаемых спектаклей тормозит естественный рост актеров, драматургов, режиссеров. Да и зритель, не встречая новых названий на афише, теряет интерес к сцене. Сколько недодаем, столько и недополучаем — это положение справедливо и в сфере театрального производства. Вполне резонен вопрос: должна ли заморать жизнь пятидесяти актеров из-за того, что ведущий артист занят в съемках многосерийного телефильма, а главный режиссер приглашен на постановку в другой город? Не приходится говорить, как это сказывается не только на творческом, но и

на моральном климате театра в целом.

Обратимся к фактам. Большинство московских театров за три года выпустило примерно по 9—10 спектаклей, то есть в среднем по три постановки в сезон. При таком положении вещей для многих актеров годами не находится ролей, а очередные режиссеры не могут рассчитывать на постоянную работу в своем театре, где они получают зарплату. При этом нужно учитывать: труппы и «производственные мощности» у театров разные. То, что допустимо по отношению к театру с труппой в 40—50 человек, вряд ли можно прощать академическим коллективам, где штат актеров, очередных режиссеров, работников литературной части, рабочих сцены вдвое, а то и втрое больше.

Есть коллективы, где и эта, с моей точки зрения, заниженная норма не выполняется. Это, например, театр имени Пушкина (5 спектаклей за три года), театр имени Ленинского комсомола (6 спектаклей), «Современник» (7 спектаклей), академический театр имени Вахтангова (8 спектаклей). Правда, в театре имени Пушкина произошло недавно смена руководства — пришел новый главный режиссер Б. Морозов, зарекомендовавший себя несколькими яркими спектаклями. Будем надеяться, он сумеет наладить не только творческую жизнь, но и трудовой ритм в коллективе.

Каковы следствия отмеченной выше творческой инертности сценических коллективов? Вот театр имени Вахтангова. Четыре года не занята в премьерях И. Купченко, больше трех лет — Ю. Яковлев, Н. Русланова, у М. Ульянова был четырехлетний перерыв, всего две роли за последние шесть лет сыграла Ю. Борксова. Примерно такая же картина и в театре имени Ленинского комсомола, где Е. Леонов не получал новых ролей больше пяти лет, О. Янковский — больше четырех; в «Современнике», где Л. Толмачева за 8 лет сыграла всего 2 новые роли, где явно недостаточно заняты в последних премьерях

О. Табаков, Л. Ахеджакова. Речь идет лишь о ведущих артистах, чья известность выходит за пределы одного коллектива и даже города, что же говорить о рядовых актерах.

Малая производительность театров — свидетельство неблагоприятных условий и в режиссерском цехе. Так, из восьми спектаклей вахтанговского театра пять поставлены его главным режиссером. Деятельность очередных нерегулярна, внеплановые спектакли, поставленные, как правило, актерами, отнюдь не становятся украшением репертуара.

В «Современнике» иная крайность. Там главный режиссер Г. Волчек больше одного спектакля в сезон не выпустил ни разу за десять лет. Зато за эти годы в театре ставили спектакли 10 разных режиссеров, включая и актеров театра «Современник». Складывается парадоксальная картина: ведущие артисты годами встречаются с главным режиссером лишь на собраниях. Так, О. Табаков уже шестой год не занят в спектаклях Г. Волчек, больше пяти лет не работал с ней П. Щербаков, пятый год — Л. Толмачева, четвертый — И. Кваша, А. Покровская, Н. Дорошина. То есть лучшие актеры театра, основатели его и носители традиций либо ставят спектакли сами, либо работают с приглашенными режиссерами. О каком же «коллективе единомышленников» может идти речь?

Между тем вспомним 1967 год, когда в течение трех месяцев тот же «Современник» показал свою известную трилогию «Декабристы», «Народовольцы», «Большевики» — спектакли, в каждом из которых практически была занята вся труппа? И это при том, что в тот же год коллектив выпустил памятный зрителям «Традиционный сбор» и до сих пор заслуженно сохраняемому в репертуаре «Балладу о невеселом кабаке». Наличие большой цели, «сверхзадачи» сплотило тогда весь коллектив, включая и постановочные цехи. Видимо, это и есть единственно возможный путь для театра, если он хочет оказы-

вать сколько-нибудь серьезное воздействие на духовный мир зрителя, если он хочет иметь своего зрителя, а не узкую группу поклонников и поклонниц, создающих видимость успеха на премьере, но не обеспечивающих долгую и счастливую жизнь спектаклю после того, как схлынет премьерная шумиха.

Однако не обязательно уходить в глубь истории, пусть и недавней. Можно считать наложенной производственную жизнь на МХАТе, театре имени Моссовета, ЦАТСа. Их работа свидетельствует, что творческий процесс в театре поддается планированию, более того — без хорошо продуманного плана процесс перестает быть процессом. Театр требует к себе подлинно хозяйского отношения, нельзя рассчитывать прожить на наследство, оставленное предшественниками, надо ведь и потомству что-то оставить.

Стоит сказать о следующем. Снижение активности многих столичных театров, разумеется, бросается в глаза многим. В конце прошлого сезона главное управление культуры исполкома Моссовета приняло решение привлечь группу критиков к исследованию творческого состояния тех трупп, где очевидно ощущение спада. По итогам своей работы критики должны были встретиться с коллективами театров. Но руководство последних сделало все, чтобы не допустить критиков к труппе. Конечно, услаждать неприязненное мнение о себе в присутствии подчиненных вряд ли приятно. Но стремление замкнуться, не допустить «восторжничества», чтобы актеры не слышали взыскательную оценку сделанного коллективом, — свидетельство слабости позиции. Думается, активизация внимания критики не только к «вершкам» театрального процесса, но и к его «корешкам», повышение требовательности, появление статей как о победах, так и поражениях театра, открытое обсуждение деятельности коллективов принесет только пользу делу.

Борис ЛЮБИМОВ. 41